

РАЗДЕЛ V. ФИЛОСОФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

ББК 87.1
УДК 111.11

О. Н. Киблик¹

Тюменский государственный университет
kiblick.ol@yandex.ru

НЕСБЫВШЕЕСЯ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН В РОМАНЕ А. С. ГРИНА «БЕГУЩАЯ ПО ВОЛНАМ»

Статья посвящена анализу концепции *Несбывшегося* в романе А. С. Грина «Бегущая по волнам» в соотношении с понятиями мечты и внутренней свободы человека. В контексте романа *Несбывшееся* рассматривается как онтологическое основание для построения писателем философии мечты, характерной для всего его творчества. *Несбывшееся* является отправным пунктом философствования героя (Томаса Гарвея), той основой (субстанцией), посредством которой все существующие в мире вещи и явления действительности приобретают для него жизнеутверждающий смысл. Подчёркивается тесная взаимосвязь *Несбывшегося* и мечты героя, стремящегося порвать сети обыденщины, воплотив в свою жизнь идеальные образы воображения и фантазии.

Постановка проблемы *Несбывшегося* (остановка внутри себя) является результатом осознания Томасом Гарвеем неправильности, ошибочности всей его жизни, необходимости её радикального изменения. *Несбывшееся* осуществляется им как ответы на вопросы о смысле собственного существования, о смысле жизни вообще. Оно постигается им самостоятельно, с радостью и упорством, помогает достичь подлинной внутренней свободы, которая и является сущностью его существования.

Все впечатления жизни необходимы для осознания и воплощения героем в жизнь своего предназначения, осуществления своей мечты. В противном случае человека, попавшего под власть *Несбывшегося*, ждёт только прошлое, так как мечту не ожидают, её осуществляют. Но без остановки внутри себя сделать это невозможно,

¹ Киблик Олег Николаевич, аспирант, Тюменский государственный университет, направление подготовки 47.06.01 «Философия, этика и религиоведение», г. Тюмень, Россия.

т. к. праздность и суэта, усыпляя бдительность сознания, не дают ему возможности пробудить все самое лучшее в душе. Реализация *Несбывшегося* является не только осуществлением мечты героя, но и активизацией его творческого воображения и фантазии как естественного стремления выразить вовне, объективировать свои образные представления.

Ключевые слова: Несбывшееся, онтология, мечта, внутренняя свобода, творчество, воображение, фантазия

О философичности творчества А. С. Грина в литературной критике 1960-х –2010-х гг.

Творчество А. С. Грина изучено достаточно подробно. Описывая философскую составляющую творчества А. С. Грина, исследователи касаются и мотивов воображения, фантазии, мечты в произведениях писателя, часто называя его «рыцарем мечты» [1].

В работах, посвящённых творчеству А. С. Грина, начиная с 1960-х годов проявилось стремление разобраться в философских аспектах прозы писателя, в специфике его художественного и «философского» метода. Так, В. Е. Ковский в монографии «Романтический мир Александра Грина» исследует художественный метод писателя и уделяет внимание философии его творчества. Юному А. С. Грину, пишет он, необходимо было испытать «острое ощущение пропасти между действительным и желаемым, глубокую неудовлетворенность существующим» [5, 26], чтобы обрести «романтический взгляд на мир» [5, 28]. В. И. Хрулёв рассматривает философско-эстетические и художественные принципы творчества А. С. Грина. Он характеризует его художественный метод как романтизм, в рамках которого традиционные черты метода испытывают воздействие новой эпохи, наполняясь её неповторимым философско-эстетическим отношением к миру [10, 3–4]. В. А. Романенко отмечает, что рассмотрение символики писателя возможно только «с учётом общего исторического, культурного и философского фона эпохи» [7, 10] и указывает на «вневременную, обобщенно-философскую направленность» творчества А. С. Грина [7, 11]. В. А. Усольцев называет А. С. Грина «автором философско-психологических произведений с элементами фантастики» [9, 107].

Исследователями часто отмечается психологизм А. С. Грина, его внимание к движениям души героев, к их побуждениям и внутренним устремлениям. В. И. Хрулёв, анализирующий романтизм А. С. Грина, характеризует творчество писателя как «поэзию мечты и воображения».

По мнению исследователя, А. С. Грин «утвердил значение духовного в жизни общества и человека», воплотил в своих текстах «общезначимое содержание, обращенное к душе человека и его стремлению к красоте и счастью» [11, 127]. Т. Ю. Дикова замечает, что тексты А. С. Грина нельзя анализировать, а его героев невозможно рассматривать без учёта идеи о бессознательных процессах человеческой психики, без опоры на классиков психоанализа З. Фрейда, К. Г. Юнга, У. Джеймса [3, 7].

Романтизм и психологизм в художественном методе А. С. Грина тесно связаны. Проявлением романтизма являются психологическая напряжённость его произведений, обострённость чувств его героев. Писателя «занимает психологическая коллизия» [5, 111], он стремится «подчеркнуть психологическую исключительность героя» [5, 117], причём ему интересен сам «аффект, нерв состояния», те моменты сюжета, которые являются эмоционально напряженными [5, 154]. Романтические герои А. С. Грина всегда на острие, всегда на грани, и писатель стремится разобраться в их переживаниях, выявить скрытые мотивы поступков своих героев. В. А. Поздеев в этой связи называет А. С. Грина «мастером психологического анализа» [6, 31].

Т. Ю. Дикова характеризует А. С. Грина как «художника с ярко выраженной философской направленностью письма» [3, 3]. Она обнаруживает у него «субсенсорное восприятие» – психическое отражение действительности, основанное на подсознательном её осмыслении. Писатель замечает и представляет в своих произведениях двойственность всех изображаемых им явлений – от картин природы до характеров людей, ему свойственно стремление описать мир «демонстративно противоречивым» и «инфернальным» [4, 809]. Сфера души и подсознания – одна из сфер, тесно связанных с философской направленностью творчества писателя.

Философичность творчества А. С. Грина проявляется и в мотиве противоборства реального и фантастического. В. А. Усольцев отмечает: «Почти в каждом рассказе Грина встречаются описания несуществующих городов – Лисса, Зурбагана, Гель-Гью и Гертона» [9, 108]. Фантастика не является обязательным компонентом произведения писателя, чаще всего противостояние реального и фантастического проявляет себя как философский мотив – неоромантический отход от действительности, поиск необычного, причём в первую очередь в духовно-нравственном плане.

В немалой степени изучена реализация в творчестве писателя концепция мечты. Так, А. С. Серикжанов считает, что для писателя мечта есть «стремление духовно богатого человека к высшим, истинно

человеческим ценностям» [8, 154]. Ценности же эти противопоставлены бездушию людей, их жадности и стремлению к низменным удовольствиям. То есть мечта в восприятии писателя всегда возвышенна, прекрасна и служит совершенствованию мечтающего человека. Поэтому мечта – качество положительного героя, а неумением мечтать обычно наделён у А. С. Грина герой отрицательный, не видящий прекрасного в окружающем его мире и не стремящийся сделать этот мир более прекрасным.

Очевидно, что философская направленность присуща всему творчеству А. С. Грина, но, думается, что в некоторых его произведениях она достигает степени самостоятельных философских обобщений. Одним из таких произведений является роман «Бегущая по волнам», где автор построил оригинальную концепцию *Несбывшегося*, имеющую ярко выраженную экзистенциальную направленность.

Онтология *Несбывшегося* в романе А. С. Грина «Бегущая по волнам»

В своем романе «Бегущая по волнам» автор-неоромантик создал оригинальную концепцию *Несбывшегося*. На наш взгляд, она имеет онтологическое основание, на котором строится мировоззрение главного героя – Томаса Гарвея. На первый взгляд может показаться, что *Несбывшееся* – это всего лишь некие события или факты жизни человека, по какой-либо причине не сбывшиеся и вызывающиеся всего лишь досаду: «Не сбылось это, сбудется то». Однако, думается, что писатель вряд ли стал бы вкладывать в это слово такой примитивный смысл. Можно предположить, что феномен *Несбывшегося* отражает мировоззренческую парадигму, основанную на иррациональном восприятии мира Гарвеем, у которого на первый план выдвигаются не прагматические цели, а направленность сознания и воли на такие проявления человеческой природы и ее способностей, как инстинкт, интуиция, воображение, фантазия, эмоции, чувства и др. Постижение *Несбывшегося* является поиском героя своей духовной природы и субстанции идеальной формы бытия. Можно предположить, что такой субстанцией *Несбывшегося* может быть *чувство* – любви, прекрасного, всеобщего блага, радости от осуществления мечты, ожидания счастья и т. д., то есть чувство в его потенции.

Самый удивительный феномен, наблюдаемый человеком, – это мир, в котором он живет. Мир в его культурном и природном многообразии представляет собою самое великое и загадочное явление, которому никогда не перестанут удивляться и поражаться, потому что, кроме него, ничего больше нет, он всё, и всё в нём. Собственно, ничего больше и не может быть, так как он бесконечен, а всё, чего нет или что может быть, уже заложено в его бытии. Мир меняется в восприятии

человека. Но оставаясь в своей основе всё тем же, он предлагает человеку «вечные» вопросы, касающиеся той причины, следствием которой мир явлен ему. Серьезной проблемой познания являются попытки помыслить не только общефилософские основания мира, но и основания мира субъективных представлений, создаваемых творческим воображением и фантазией автора. Такой проблемой является понимание концепции *Несбывшегося* как философской установки, направленной на выявление мотивов чувственных переживаний героя.

Несбывшееся – слово, непосредственно введенное автором в произведение, – представляет собой сложное, неоднозначное понятие, которому А. С. Грин дает следующую характеристику: «*А над гаванью – в стране стран, в пустынях и лесах сердца, в небесах мыслей – сверкает Несбывшееся – таинственный и чудный олень вечной охоты*» [2, 7]. Образ таинственного оленя олицетворяет благородное, доброе начало в духовной природе героя, чистоту его помыслов и стремление к идеалам. Но в тоже время он не дает возможности понять *Несбывшееся*, хотя бы с некоторой долей приближенности, как некоторую онтологическую категорию. В связи с этим мы предлагаем свою концепцию *Несбывшегося* в романе «Бегущая по волнам» как системы философских понятий.

Как было отмечено, в основе концепции *Несбывшегося* у А. С. Грина лежит нереализованное чувство, которое гложет героя, вплоть до возникновения болезненных состояний. Так, роман начинается с внезапного заболевания Гарвея: «*Мне рассказали, что я очутился в Лиссе благодаря одному из тех резких заболеваний, какие наступают внезапно*» [2, 3]. Доктор Филатр, подозревавший, что причины заболевания Гарвея лежат в иной плоскости, нежели обычная простуда, говорит: «*Все же <...> вам необходим некоторый уют, – остановка внутри себя*» [2, 3]. Очень характерное замечание. Человеку на бегу жизни порой просто необходимо остановиться и подумать, куда он движется и в нужном ли направлении. Гарвей отмечает в этой связи: «*Он явно намекал, и я вспомнил мои разговоры с ним о власти Несбывшегося*» [2, 4]. Гарвей принимает эту власть: «*Переезжая из города в город, из страны в страну, я повиновался силе более повелительной, чем страсть или мания*» [2, 4], – размышляет о её природе: «*Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся зовет нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов*» [2, 4]. Он не только чувствует Несбывшееся, но и предполагает его исход: «*Тогда, очнувшись среди своего мира, <...> всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинает ли сбываться Несбывшееся?*» [2, 4]. Гарвей

понимает, что если не прислушиваться к голосу Несбывшегося, не всматриваться в его глубину, то все самое главное в жизни может бесследно пройти мимо: *«Между тем время проходит, и мы плывем мимо высоких, туманных берегов Несбывшегося, толкая о делах дня»* [2, 4]. Он часто говорит об этом с Филатром, но тот, относясь к нему по-дружески, рассматривает его идеи с точки зрения врача-психиатра, тактично выслушивающего своего пациента: *«Он спрашивал меня обо всем этом и слушал довольно спокойно, но с глубоким вниманием, признавая мою тревогу и пытаясь ее усвоить»* [2, 4]. Понимая это отношение, Гарвей констатирует разность их мировоззренческих позиций: *«Но этот симпатичный человек не был еще тронут прощальной рукой Несбывшегося, а потому мои объяснения не волновали его»* [2, 4].

Таким образом, можно предположить, что для Филатра *Несбывшееся* – это плод фантазии симпатичного ему человека, не знающего, чему себя посвятить, хандрящего и мечтающего. Для Гарвея же *Несбывшееся* – это мечта о лучшей доле, о реализации высших человеческих устремлений, с ней связанных. Характерно, что Гарвей, раньше Филатра интуитивно усвоив природу *Несбывшегося*, уверенно двинулся ему навстречу, полный неясных, но счастливых предчувствий: *«Я ничего не решал, но знал, что сделаю, и мне это казалось совершенно естественным. Я был уверен в неопределенном и точен среди неизвестности»* [2, 21], хотя и не видел еще конечной цели, ведь истина открывается всегда в конце пути. Филатра его *Несбывшееся* настигло несколько позже, более просто и буднично, но он всё же воплотил его зов: *«Доктор стоял, держа ее руки в своих, спиной ко мне. Виноватая и простивший были совершенно поглощены друг другом»* [2, 167].

В целях большей философской (онтологической) определенности мы предлагаем понимать под *Несбывшимся* эмоциональный процесс, отражающий субъективно-оценочное отношение героя к своей жизни как неудовлетворяющей его в настоящий момент, не отвечающей его ожиданиям. Сложность этого феномена состоит в том, что, проявляя себя в некомфортных, порой пограничных состояниях сознания, оно может восприниматься как следствие обычных, бытовых причин, приводящих к типичным заболеваниям. Также здесь возможно учитывать и объективацию *Несбывшегося*, заключающуюся в переходе от предпосылок его возникновения, т. е. его бытия в потенциальном состоянии на уровне идей, чувств и эмоций, до возможности его проявления в реальной жизни, как в случае с героем, реализовавшим свое *Несбывшееся* в любви к девушке Дези.

Гарвею как человеку, наделенному творческим воображением и фантазией, удалось усмотреть в причинах своего эмоционального состояния «глухой шум» *Несбывшегося*. Он мог переводить события внешней жизни во внутренний контекст, как, например, при встрече Биче Сениэль: *«Благосклонная маленькая рука, опущенная на голову лохматого пса, – такое напрашивалось сравнение к этой сцене, где чувствовался глухой шум Несбывшегося»* [2, 9]. Постепенно *Несбывшееся* Гарвея приобретает более осознанный характер, проявляя себя уже как воля к мечте о личном счастье.

Такое понимание *Несбывшегося* помогает раскрыть суть главных событий в жизни героя, обуславливающих его существование, ради которого он был рожден «свыше», в том смысле, что в его судьбе изначально и таинственно действуют некие силы, чудесно преобразующие его для особой жизни. Для Гарвея, в период его душевных метаний, *Несбывшееся* сопряжено с психологическими коллизиями, связанными с восприятием и осмыслением явленного ему мира, который постоянно двойится в его глазах, не давая ему, обеспеченному и праздному молодому человеку, жить сытой, мещанской жизнью. Дуализм реального – «внешней» обывательской жизни – и фантастического – рефлексии о чудесном – приводит героя к экзистенциальным прозрениям о влиянии *Несбывшегося* на его судьбу: *«Несбывшееся, которому я протянул руки, могло восстать только само, иначе я не узнал бы его и, действуя по примерному образцу, рисковал наверняка создать бездушные декорации»* [2, 6]. Оно настолько заслонило все обывательские заботы и мещанские радости, что воображение Гарвея рисует только его, принимаемое уже за некий художественно-архитектурный образ: *«Не скрою, что оно было громадно и – может быть – потому так неотвязно. Его стройность, его почти архитектурная острота выросли из оттенков параллелизма»* [2, 5].

В преддверии *Несбывшегося* Гарвей испытывает постоянное напряжение, какую-то смутную тоску, причины которой он пока не может ясно осознать. Ему остается только дать ему имя и мучительно всматриваться в его глубь, понимая, что мимо него пройти нельзя. В этом случае нужно сделать все возможное, чтобы выйти на верную дорогу, ведущую к реализации своей экзистенции. Гарвей, осознав власть этого чувства, принял его как неизбежное, как перст судьбы. При этом понимая его проблемность, он всё же пытается в разговорах с доктором Филатром развязать его тугой узел: *«Чем больше я говорил с ним о жизни, сплине, путешествиях и впечатлениях, тем более уяснял сущность и тип своего Несбывшегося»* [2, 5], но в своих размышлениях констатирует тщетность усилий проникнуть в его суть: *«<...> все это развивалось в ничто; рвалось, подобно гнилой пряже, натянутой стремительным челноком»* [2, 5].

Таким образом, Гарвей продолжал оставаться замкнутым в своем мире, наедине со своей тревогой, смутные голоса которой звали вдаль, что и обусловило его постоянные переезды из города в город, из страны в страну, так как оставаться на одном месте он просто не мог.

В общем, мотивы поступков и поведение Гарвея – праздного молодого мечтателя – постигаемы именно в свете концепции *Несбывшегося*. В связи с тем, что в романе находят место фантастические элементы и мистические прозрения героя, может возникнуть вопрос, зачем это понадобилось автору. Возможно, чтобы подогреть интерес нелюбопытного, нежелающего напрягать ум читателя, а может, и нарочито – предполагая, что фантастическое должно присутствовать в *Несбывшемся*, ибо постичь его могут только романтические герои – не от мира сего, видящие мир иначе, неромантикам же оно недоступно. Например, прагматичная, рассудительная Биче Сениэль не смогла угадать тайный промысел *Несбывшегося*, так как не поверила в него, пытаясь рационально постигнуть его суть: *«Вы мне рассказали о Фрези Грант, и я вам поверила, но не так, как, может быть, хотели бы вы. Я поверила в это, как в недействительность, выраженную вашей душой, <...> я не была с вами тогда. <...>. Но если бы я поверила, я была бы, вероятно, очень несчастна»* [2, 165–166].

А. С. Грин не был писателем-фантастом и просил не считать его таковым, однако миру реальности здесь, как и во многих других его произведениях, противопоставлен фантастический мир – в образе девушки, бегущей по волнам, – Фрези Грант, заботящейся о тех, кто светел душой и чист в своих помыслах. Других же, преступивших высший нравственный закон, Фрези Грант жестоко карает, как, например, капитана Геза, человека с низкими помыслами и черной душой.

Примечательна мистическая связь между голосом Фрези Грант («<...> и я услышал особенный женский голос, сказавший с ударением: *“...Бегущая по волнам”*» [2, 15]), ее образом («*Я никогда не забуду ее – такой, как видел теперь*» [2, 65]) и двумя реальными девушками – Биче Сениэль и Дэзи. Фантастические элементы осложняют конструкцию *Несбывшегося*, делая ее еще более проблемной для понимания. Думается, что для трактовки феномена *Несбывшегося* не существует единственного методологического подхода.

В познании диалектики *Несбывшегося* можно выделить как минимум три этапа, через которые проходит главный герой: 1) осознание проблемы и формулировка вопросов, постановка целей;

2) борьба за реализацию целей и задач; 3) появления нового качественного состояния, снимающего противоречие.

Как видно из контекста романа, Гарвей в результате своей борьбы и поиска приходит к совсем иному, не ожидаемому им результату – становится супругом Дези. Первоначально он был очарован и влюблен в Биче Сениэль, чей образ был связан с зовом *Несбывшегося*. Голос Фрези Грант внутри себя, а потом и общение с ней в шляпке, судно «Бегущая по волнам», капитан Гез («черный человек» Грина, злой гений Гарвея), статуя в Гель-Гью – все эти знаки *Несбывшегося*, казалось, должны были привести к предвиденному результату – браку с Биче. Но А. С. Грин развенчивает иллюзии и Гарвея, и свои, показывая, как непросто прийти к простым вещам, обрести человеческое счастье. Для этого нужно пройти серьезные испытания, ведь ничего в готовом виде не дано, и счастье нужно заслужить. Иначе человека ждет мещанская доля, жизнь по готовым шаблонам.

Можем предположить, что у некоторых читателей могут возникнуть критические замечания по поводу вымышленного автором мира, а именно оторванности описываемых событий от действительности. Но все же хочется думать, что читающие А. С. Грина согласятся, что он был истинный аристократ духа, поставивший мечту выше реальности. Он, силой своего воображения и мечты, создал настолько жизнеподобный мир, что тот стал восприниматься как некая реальная страна, где любят, живут и ненавидят по-настоящему.

Выводы

Несбывшееся в романе «Бегущая по волнам» является сложным духовным процессом, в основе которого лежит эмоционально-волевой субстрат. Он способен менять и даже порождать действительности, которая выступает в дальнейшем основой для реализации экзистенции героя. *Несбывшееся* – двигатель, дающий начальный импульс творческому воображению человека. А. С. Грин, сам будучи творческим человеком, несомненно, ощущал и переживал чувства и страсти созданных ими персонажей, отождествляя себя с ними. В заключение отметим, что концепция *Несбывшегося* у А. С. Грина является открытой для дальнейшего исследования, предметом которого может быть философичность творчества писателя, выразившего в литературно-художественной форме принципы бытия и способы его познания. В образе (концепции) *Несбывшегося* преломляются нравственные категории и ценности, даются ответы на философские вопросы о познаваемости мира, о существовании Бога, о сути

человеческой жизни, о соотношении физического и духовного и т. д. Мир *Несбывшегося* стал прибежищем не только самого А. С. Грина и его героя, но и многих его читателей, находящихся в нем все новые импульсы для собственного творчества.

Литература

1. Вихров, В. С. Рыцарь мечты / В. С. Вихров // А. С. Грин. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 1. – М.: Правда, 1965. – С. 3–36.
2. Грин, А. С. Собрание сочинений в 6 т. / А. С. Грин. – М.: Правда, 1965. – Т. 5. – С. 3–182.
3. Дикова, Т. Ю. Рассказы Александра Грина 1920-х годов: поэтика оксюморона: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Т. Ю. Дикова. – Екатеринбург, 1996. – 20 с.
4. Дикова, Т. Ю. Рассказовая проза Александра Грина в контексте русской и мировой культуры / Т. Ю. Дикова // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2016. – № 5. – С. 807–811.
5. Ковский, В. Е. Романтический мир Александра Грина: монография / В. Е. Ковский; отв. ред. Л. И. Тимофеев. – М.: Наука, 1969. – 296 с.
6. Поздеев, В. А. Грин – мастер психологического анализа: к интерпретации рассказа «Капитан Дюк» / В. А. Поздеев // А. С. Грин: взгляд из XXI века. К 130-летию Александра Грина: сб. ст. по мат. Междунар. юбил. Гриновских чтений. – Киров: Вятский гос. гуманитар. ун-т, 2011. – С. 31–36.
7. Романенко, В. А. Лингвопоэтическая система сквозных символов в творчестве А. С. Грина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / В. А. Романенко. – Тирасполь, 1999. – 20 с.
8. Серикжанов, А. С. Идеино-художественное содержание произведений А. Грина, своеобразие их жанра и языка / А. С. Серикжанов // Финансовая система новой эпохи: перспективы развития. Актуальные проблемы и приоритетные инновационные направления развития современной науки: мат. междунар. науч.-практ. конф. – Саратов: Академия Бизнеса, 2017. – С. 153–155.
9. Усольцев, В. А. Рыцарь мечты Александр Грин, или В стране, не обозначенной на картах / В. А. Усольцев // Эко-потенциал. – 2016. – № 1 (13). – С. 106–126.
10. Хрулёв, В. И. Философско-эстетические и художественные принципы романтизма А.С. Грина / В. И. Хрулёв // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1971. – № 1. – С. 3–13.
11. Хрулёв, В. И. Александр Грин: поэзия мечты и воображения / В. И. Хрулёв // Бельские просторы. – 2008. – № 4. – С. 127–140.

References

1. Vihrov, V. S. Rycar' mechty [Knight of dreams] // A. S. Grin. *Sobranie sochinenij: v 6 t. [Collected works in 6 v.]* – T. 1. – M.: Pravda, 1965. – P. 3–36.
2. Grin, A. S. *Sobranie sochinenij: v 6 t. [Collected works in 6 v.]*. – M.: Pravda, 1965. – T. 5. – P. 3–182.
3. Dikova, T. Ju. *Rasskazy Aleksandra Grina 1920th godov: pojetika oksjumorona [Stories of Alexander Grin of the 1920th: the poetics of an oxymoron]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01.* – Ekaterinburg, 1996. – 20 p.
4. Dikova, T. Ju. *Rasskazovaja proza Aleksandra Grina v kontekste russoj i mirovoj kul'tury [Alexander Grin's prose in the context of the Russian and world culture] // Dinamika jazykovyh i kul'turnyh processov v sovremennoj Rossii.* – 2016. – № 5. – P. 807–811.
5. Kovskij, V. E. *Romanticheskij mir Aleksandra Grina: [The Romantic world of Alexander Grin] monografija / V. E. Kovskij; otv. red. L. I. Timofeev.* – M.: Nauka, 1969. – 296 p.
6. Pozdeev, V. A. *Grin – master psihologicheskogo analiza: k interpretacii rasskaza «Kapitan Djuk» [Grin – the master of psychological analysis: to the interpretation of the story «Captain Duke»] // A. S. Grin: vzgljad iz XXI veka. K 130-letiju Aleksandra Grina: Sb. st. po mat. Mezhdunar. jubil. Grinovskih chtenij.* – Kirov: Vjatskij gos. gumanit. un-t, 2011. – P. 31–36.
7. Romanenko, V. A. *Lingvopojeticheskaja sistema skvoznyh simvolov v tvorcestve A. S. Grina [Linguistic and poetic system through symbols in the works of A. S. Grin]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01.* – Tiraspol', 1999. – 20 p.
8. Serikzhanov, A. S. *Idejno-hudozhestvennoe sodержanie proizvedenij A. Grina, svoeobrazie ih zhanra i jazyka [The Ideological and artistic content of the works of A. Grin, the uniqueness of their genre and language] // Finansovaja sistema novej jepohi: perspektivy razvitija. Aktual'nye problemy i prioritetyne innovacionnye napravlenija razvitija sovremennoj nauki: Mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Saratov: Akademija Biznesa, 2017. – P. 153–155.*
9. Usoltsev, V. A. *Rycar' mechty Aleksandr Grin, ili V strane, ne oboznachennoj na kartah [Alexander Grin – Knight of dreams, or in country not marked on the maps] // Jeko-potencial.* – 2016. – № 1 (13). – P. 106–126.
10. Hrul'jov, V. I. *Filosofsko-jesteticheskie i hudozhestvennye principy romantizma A. S. Grina [Philosophical, aesthetic and artistic principles of romanticism by A. S. Grin] // Nauchnye doklady vysshej shkoly. Filologicheskie nauki.* – 1971. – № 1. – P. 3–13.

11. Hrul'jov, V. I. Aleksandr Grin: poezija mečty i voobrazhenija [Alexander Grin: poetry of dreams and imagination] // Bel'skie prostory. – 2008. – № 4. – P. 127–140.

THE UNFULFILLED AS AN EXISTENTIAL PHENOMENON
IN A. S. GRIN'S NOVEL "RUNNING IN THE WAVES"

O. N. Kiblik

Graduate student of Tyumen State University
(Tyumen, Russia)

Abstract

The article is devoted to the analysis of the concept of the Unfulfilled in the novel by A. S. Grin "Running in the waves" in relation to the concepts of dreams and inner freedom of a man. In the context of the novel, the Unfulfilled is considered as an ontological basis for the writer's construction of the philosophy of dreams characteristic to all his work. The Unfulfilled is the starting point of the hero's philosophizing (Thomas Garvey), the basis (substance) through which all things and phenomena of reality in the world acquire a life-affirming meaning for him. The close relationship between the Unfulfilled and the dream of the hero, who seeks to break the networks of everyday life, embodying the ideal images of imagination and fantasy, is emphasized.

The statement of the problem of the Unfulfilled (stop inside) is the result of Thomas Garvey's awareness of the wrongness, the fallacy of his whole life, the need for its radical change. The Unfulfilled is perceived by him as answers to the questions about the meaning of his own existence, about the meaning of life in General. It is considered by him independently, with joy and perseverance, helping to achieve true inner freedom, which is the essence of his existence.

All impressions of life are necessary for the realization and implementation of the hero in the life of his destiny, the realization of his dreams. Otherwise, the person who fell under the power of the Unfulfilled, waiting only for the past, as the dream is not expected, it is embodied. But it is impossible to do this without stopping within oneself, because idleness and vanity, lulling the vigilance of consciousness, do not give it the opportunity to awaken all the best in the soul. The realization of the Unfulfilled is not only the realization of the hero's dream, but also the activation of his creative imagination and fantasy as a natural desire to Express outside, to objectify his imaginative ideas.

Keywords: the Unfulfilled, ontology, dream, inner freedom, creativity, imagination, fantasy

Поступила в редакцию 01.07.2019